

Приграничное сотрудничество в стратегиях социально-экономического развития приграничных регионов российского Дальнего Востока¹

Сергей Константинович Песцов,

доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: skpfox@yandex.ru

Приграничные регионы обычно представляют собой периферийные районы, характеризующиеся отдалённостью от национальных центров экономической активности, плохой доступностью и низкой плотностью населения, что не способствует их устойчивому развитию. Однако, как показывает мировой опыт, такое положение вполне может превратиться в преимущество. Развитие трансграничных связей открывает возможность для динамичного роста за счёт объединения потенциалов соседних регионов и использования имеющихся различий в качестве стимула для оживления торговли, мобильности и инвестиций. Тесные отношения, которые в настоящее время связывают Россию и Китай, казалось бы, открывают широкие перспективы для их взаимодействия на разных уровнях, способствуя в том числе динамичному развитию периферийных территорий по обе стороны общей границы. Тем не менее реальная ситуация, как отмечают специалисты обеих стран, расходится как с официальными оценками, так и с имеющимися ожиданиями. Данная статья обращается к анализу российского официального дискурса, связанного с пониманием приграничного сотрудничества, который может служить одним из возможных объяснений отмеченного парадокса. Этот анализ показывает, что общепринятые официальные трактовки

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 25-18-20055 «Интересы и политика развития сопредельных с Россией территорий КНР и КНДР: согласование и взаимная адаптация стратегий как фактор социально-экономического развития юго-восточной части Дальневосточного федерального округа (ДФО)».

понятия «трансграничное сотрудничество» способствуют размышлению его содержания и «растворению» в более широком и общем понятии международного сотрудничества. В результате приграничное сотрудничество превращается в достаточно абстрактную категорию, подходящую для определения практически любых пересекающих государственную границу кооперационных взаимодействий, поскольку они осуществляются через примыкающие к ней территории, даже если включение последних ограничивается режимом пропуска и транзитными операциями.

Ключевые слова: Россия, Китай, Дальний Восток, приграничные регионы, приграничное сотрудничество, стратегии развития, экономическое сотрудничество.

Cross-Border Cooperation in the Strategies of Socio-Economic Development of Border Regions of the Russian Far East.

Sergei Pestsov, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: skpfox@yandex.ru.

Border regions are typically considered peripheral areas due to their remoteness from national centers of economic activity, poor accessibility, and low population density, which hinders their sustainable development. However, international experience shows that such situation can be turned into an advantage. The development of cross-border connections creates opportunities for dynamic growth through the integration of the potential of neighboring regions and the use of existing differences as an incentive for revitalizing trade, mobility, and investment. The close relations that currently exist between Russia and China seem to offer broad prospects for interaction at various levels, including facilitating the dynamic development of peripheral territories on both sides of their common border. However, as experts from both countries note, reality diverges from both official assessments and existing expectations. This paper examines Russian official discourse related to the understanding of cross-border cooperation, which may provide one of the possible explanations for this paradox. This analysis shows that commonly accepted official interpretations of the concept of “cross-border cooperation” contribute to the blurring of its meaning and its “dissolution” into the broader and more general concept of international cooperation. As a result, cross-border cooperation becomes a rather abstract category suitable for defining virtually any cooperative interactions across a state border as they are implemented through adjacent territories even when their involvement is limited to border-crossing procedures and transit operations.

Keywords: Russia, China, Far East, border regions, cross-border cooperation, development strategies, economic cooperation.

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ОЦЕНКИ

Общим базовым условием, обеспечивающим возможность превращения трансграничного (приграничного) сотрудничества в инструмент управления территориальным развитием, является наличие добрососедских отношений между сопредельными странами, определённого уровня взаимопонимания и доверия, совпадающих целей и комплиментарных стратегий национального развития. В настоящее время наиболее тесные отношения связывают Россию и Китай. По многочисленным заявлениям официальных лиц с обеих сторон, эти отношения приобрели беспрецедентный характер и находятся на самом высоком уровне за всю их многовековую историю [1; 8]. Всё это, казалось бы, открывает самые широкие перспективы для развития сотрудничества на разных уровнях, в том числе между непосредственно соприкасающимися приграничными территориями двух стран. Однако сложившаяся модель взаимоотношений, которая некоторыми китайскими экспертами уже давно определяется формулой «горячо вверху, но холодно внизу», существенным образом сдерживает развитие двустороннего сотрудничества [10]. Соглашаются с этим и многие российские специалисты. «Главной особенностью нынешнего состояния российско-китайского приграничного сотрудничества, — как отмечается в одном из исследований, — является постепенное угасание интереса к нему с обеих сторон, что противоречит растущему числу государственных программ, рамочных соглашений и инициатив, имеющих серьёзную политическую поддержку» [5]. Эксперты перечисляют множество факторов — от несовершенства нормативно-правовой базы и инфраструктурной неразвитости до асимметрии ожиданий и несовпадения стратегий двух стран — в качестве барьеров на пути двусторонних взаимодействий [5; 19; 36]. Однако многие из этих утверждений относятся к числу не вполне обоснованных упрёков.

Рассматривая, к примеру, несовершенства нормативно-правовой базы, отметим, что реальная ситуация выглядит ровно наоборот: вместо недостатка регулирующих документов сегодня наблюдается их чрезмерная избыточность. Как подчёркивается в «Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» [11], постановка президентом РФ В. Путиным в 2013 г. задачи развития Дальнего Востока как национального

приоритета на весь XXI в. ныне дополнено «системной нормативно-правовой базой», включающей 48 новых федеральных законов и более 230 нормативных правовых актов Правительства РФ [11]. Ещё более впечатляющие цифры были озвучены первым заместителем министра по развитию Дальнего Востока и Арктики Г. Гусейновым в рамках пленарного заседания Инвестиционно-промышленного форума, прошедшего в декабре 2023 г. во Владивостоке. За десять лет, констатировал он, принято 75 федеральных законов, почти 450 решений Правительства РФ, в совокупности образующих «целостную систему поддержки развития Дальнего Востока» [4].

Благодаря этим нормативно-правовым актам на территории ДФО создано 17 территорий опережающего развития (ТОР), 22 муниципальных образования включены в границы свободного порта Владивосток (СПВ), появились механизм снижения тарифов на электроэнергию, электронная виза, «Дальневосточная ипотека», Единая Дальневосточная авиакомпания, реализованы многие другие программы и инициативы. Благодаря различным мерам господдержки Дальний Восток опередил среднероссийские темпы роста по ключевым показателям: рост инвестиций в основной капитал в 2014—2022 гг. превысил среднероссийские показатели в 3 раза, а рост промышленного производства за аналогичный период — в 1,3 раза [4]. На этом фоне неудовлетворённость состоянием российско-китайского приграничного сотрудничества, отмечаемая экспертами обеих стран, выглядит не вполне объяснимой и нуждается в дополнительном рассмотрении. Но прежде необходимо кратко остановиться на концептуализации приграничного сотрудничества в современных академических исследованиях.

КОНЦЕПЦИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Приграничные регионы представляют собой непосредственно соприкасающиеся зоны на границе более чем одного государства или географические места, разграниченные и определённые государственными границами. В большинстве случаев это отдалённые периферийные районы вследствие их отдалённости, плохой доступности и низкой плотности населения, что не способствует их развитию. Слабая экономическая активность ограничивает возможности местных властей в плане обеспечения адекватных услуг, оборачиваясь оттоком населения и снижением его качества, превращая периферийность в хроническую проблему.

Однако приграничное положение, как отмечается в многочисленных исследованиях, вполне может стать преимуществом. Развитие трансграничных связей и сотрудничества открывает возможность для динамичного роста за счёт объединения потенциалов соседних регионов и использования имеющихся различий в качестве стимула для оживления торговли, мобильности и инвестиций. Интенсивное трансграничное сотрудничество может стать платформой для культурного обогащения, обмена знаниями и улучшения отношений между сообществами в соседних странах.

Общее определение приграничного сотрудничества впервые появилось в Мадридской конвенции 1980 г., где понятие связывалось с укреплением добрососедских отношений между местными органами власти или сообществами на прилегающих территориях [27]². Прежде всего оно включает спонтанные формы приграничного сотрудничества («народную пограничную работу»), глубоко укоренённые в местном приграничном социальном порядке, например, приграничная челночная торговля [31]. Разнообразие возможных форм приграничного сотрудничества этим, безусловно, не исчерпывается. Они могут варьироваться от проведения торжественных официальных мероприятий и организации формальных культурных обменов до создания совместных органов управления трансграничными проектами, систематического совместного планирования и разработки согласованных концепций развития смежных приграничных территорий. Необходимым условием приграничного сотрудничества, согласно определению Мадридской конвенции, является благоприятный политический климат и, как правило, официально выраженная готовность сторон его развивать. В некоторых случаях приграничное сотрудничество может возникать даже несмотря на неблагоприятный политический климат и нежелание соседних государств укреплять трансграничные связи, благодаря усилиям энтузиастов или профессионалов [34; 2].

В связи с разницей условий и многообразием функций, которые выполняет приграничное сотрудничество, оценить его успех и эффективность часто оказывается довольно сложно. Возможности и перспективы могут быть ограничены неблагоприятными исходными условиями, такими как напряжённость в межгосударственных отношениях, строгий пограничный контроль, недостаточные полномочия местных

² Подробное обсуждение понятия «приграничное сотрудничество» в российской академической литературе можно найти в: [13, с. 9—12].

органов власти, отсутствие информации о трансграничных возможностях, существенные культурные различия, слабая инфраструктура, ограниченная финансовая поддержка. Таковыми могут оказаться и экстремальные экономические различия — слишком малые или слишком большие — между соседними сторонами, снижающие их взаимную экономическую привлекательность [25]. Результатом приграничного сотрудничества не обязательно и не всегда становится сокращение социального и пространственного неравенства или рост территориальной сплочённости по обе стороны границы. Важные трансграничные потоки обычно подпитываются различиями и неравномерным развитием, причём последнее способствует усилению первого. Приграничная кооперация, помимо экономических, включает в себя и другие потоки и транзакции, такие как миграция, культурные обмены или политические связи. Взаимодействия могут привести к конвергенции в одной области и увеличивать неравенство в других [32, р. 5]. Более того, хотя расширение взаимодействий через границы обеспечивает взаимопонимание между представителями разных культур, оно также способно и порождать или возрождать наихудшие стереотипы, предубеждения и конфликты [26, р. 98].

Приграничное сотрудничество, таким образом, всегда представляет собой довольно сложную задачу для участников. Его налаживание и развитие требует преодоления множества препятствий, включая административную асимметрию, правовые барьеры и различия в системах планирования в соответствующих землях. Ключевым фактором, открывающим возможность и перспективы его развития, безусловно, является близость — физическая, инфраструктурная, культурная — между соседними территориями [30; 33]. Ещё более важную роль играют нематериальные факторы, такие как доверие, воля к реализации проектов, лидерство, компетентность и эффективность участвующих сторон [29]. В частности, роль доверия особенно значима в случаях, когда правовая база приграничного сотрудничества не развита или имеет существенные пробелы [28].

Другими словами, приграничное сотрудничество возникает не просто в результате процессов снятия (открытия) границ, а благодаря тому, что это предоставляет возможность для местных и региональных акторов воспользоваться преимуществами трансграничного контекста, в который они включены [35]. Готовность к сотрудничеству прямо не связана с количеством трансграничных взаимодействий или общностью между акторами с обеих сторон. Существование экономических обменов, даже отношений взаимозависимости, не обязательно

сопровождается формами приграничного сотрудничества, которые этому соответствуют. При этом твёрдое желание сотрудничать, развитие коалиций между акторами и даже создание кооперативных институтов между приграничными городами и регионами могут происходить и там, где функциональные трансграничные взаимодействия довольно скромны [32, р. 5].

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОФИЦИАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ ДОКУМЕНТАХ

Федеральный уровень

К российско-китайской границе прилегают территории шести периферийных субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, отдалённых от основных центров страны. Меньший и труднодоступный западный участок общей границы представлен соприкасающимися слаборазвитыми территориями Республики Алтай (РФ) и Синьцзян-Уйгурского автономного района (КНР). На более протяжённом восточном участке соприкасаются территории 5 дальневосточных субъектов с российской стороны и 3 — с китайской³. Регионы российско-китайского приграничья на протяжении последних трёх десятилетий предпринимали множество попыток компенсировать ограничения своего экономико-географического положения выгодами приграничного месторасположения [3]. Возможность этого не отрицалась и федеральным центром. Очевидным подтверждением стало появление в 2015 г. общегосударственной «Концепции развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав ДФО» [16], которая в 2020 г. была дополнена более широкой «Концепцией приграничного сотрудничества в Российской Федерации» [7].

Появление первого документа обосновывалось «возрастающим значением укрепления экономических позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе». «Приграничные территории, — в этом контексте, — определялись как важнейший ресурс страны, развитие которого связано не только с внутриполитическим курсом Российской Федерации, но и с особым геополитическим положением этих территорий» [16]. Отмечая не вполне благоприятную ситуацию, складывающуюся на указанных

³ В данной статье внимание автора ограничивается в основном четырьмя субъектами ДФО — Приморским и Хабаровским краями, Амурской и Еврейской автономной областями.

территориях, в качестве основных задач государственной политики были определены: а) комплексное и устойчивое их развитие; б) формирование и удержание ими конкурентных преимуществ перед приграничными территориями сопредельных государств; в) формирование условий для развития кооперационных связей с приграничными территориями сопредельных государств. Основные виды и направления деятельности, способствующей реализации указанных задач, включали проведение встреч, консультаций и иных мероприятий; заключение соглашений; создание рабочих групп и подкомиссий; осуществление проектов в рамках программ приграничного сотрудничества и проведения практических мероприятий. Стимулировать развитие приграничного сотрудничества дальневосточных территорий Концепция предполагала путём создания «эффективной системы мотивации», включающей проведение социологических исследований и опросов граждан; мониторинг социально-экономического положения дальневосточных приграничных территорий; внедрение лучших практик сотрудничества; создание некоммерческой организации, объединяющей различные органы публично-правовой власти и бизнеса дальневосточных приграничных территорий [16].

Второй документ рассматривал приграничное сотрудничество как самостоятельный формат общения, «в рамках которого государства, регионы и муниципальные образования осуществляют взаимодействие в экономической, научно-технической, гуманитарной и иных сферах» и который в настоящее время приобретает особое значение [16]. В нём было предложено общее понимание приграничного сотрудничества, представляющего собой «важную составляющую международных отношений РФ», которая предполагает «установление и развитие конструктивного диалога российских субъектов приграничного сотрудничества с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств» [7]. В соответствии с этим определением к ним относились федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти приграничных субъектов и органы местного самоуправления, а реализация намеченного должна соответствовать интересам «населения приграничной территории... и всего населения Российской Федерации, а также интересам населения приграничных территорий сопредельных государств» [7]. К числу основных направлений и форм развития приграничного сотрудничества Планом мероприятий по реализации Концепции развития приграничных территорий субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, отнесены: 1) меры по созданию

туристско-рекреационных территорий и культурно-просветительских зон приграничного сотрудничества; 2) реализация Программы развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018—2024 гг. в части проектов, реализуемых на приграничных территориях; 3) разработка мер государственной поддержки межрегионального сотрудничества с приграничными регионами сопредельных стран; 4) проведение внутренних и международных форумов, ярмарок, выставок, конгрессов; 5) увеличение количества пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации [12].

Несмотря на то, что оба эти документа обращаются к приграничному сотрудничеству как специфической форме межгосударственных взаимодействий, в действительности предложенное в них понимание привело к его «растворению» в более широком и общем понятии международного сотрудничества. По сути, оно игнорировало всякие различия между приграничным, трансграничным и межгосударственным сотрудничеством, предопределяя многие из нынешних проблем и недопониманий. Для федеральных властей любые пересекающие государственную границу кооперационные взаимодействия превращаются в приграничное сотрудничество, поскольку они с неизбежностью осуществляются через примыкающие к границе территории, даже если включение последних ограничивается наличием пунктов пропуска и транзитными операциями. Для самих приграничных территорий большинство проектов, реализуемых согласно общегосударственным потребностям и интересам, чаще всего несут с собой довольно ограниченные перемены, связанные с некоторыми побочными выгодами обслуживания и сопровождения масштабных государственных инициатив. В результате их заинтересованность остаётся ограниченной, а роль сводится к исполнению спускаемых сверху проектов, значимых с общегосударственной точки зрения, но слабо связанных с местными интересами и потребностями.

Региональный уровень

В течение 2016 г. каждый из субъектов ДФО разработал и утвердил собственную программу развития приграничных территорий, вписывая своё видение в общегосударственную концепцию в соответствии с утверждённым правительством Планом мероприятий. Все они, в сущности, являлись той частью их общих региональных программ, которая касалась

муниципальных образований, отнесённых общегосударственной Концепцией к соответствующим территориям [17; 18; 14; 15]. В большинстве случаев они описывали общий набор мероприятий, призванных способствовать социально-экономическому развитию данных территорий, без особого акцента и привязки к собственно приграничному сотрудничеству. Несколько большее внимание последнему уделялось в одновременно принятых дальневосточными регионами в 2018 г. индивидуальных Стратегиях развития на период до 2030—2035 гг. [20; 21; 22; 23]. В этих документах предпринята попытка определиться с собственным позиционированием и приоритетами, учитывая и возможности приграничного месторасположения (табл. 1).

Таблица 1

Дальневосточные регионы:
позиционирование и стратегические приоритеты

Территория	Позиционирование (преимущества)	Приоритеты
Приморский край	Транзитный экспортный хаб России (морские ворота). Место базирования и тыловая база ТОФ	Превращение в транспортно-логистический, индустриально-постиндустриальный, инновационно-технологический и культурный центр ДФО
Хабаровский край	Одна из наиболее экономически развитых территорий РДВ. Сформированный «эшелон роста» (природно-ресурсные отрасли, обрабатывающие производства и сервисные услуги)	Развитие отраслей перспективных экономических специализаций: горнодобывающий комплекс (угледобыча), лесопромышленный комплекс, туризм
Амурская область	База минерально-сырьевых и природных (сельскохозяйственных) ресурсов. Транзитный узел. Формирующаяся энергетическая, космическая и газохимическая инфраструктура	Регион комфортного проживания населения со стабильной и конкурентоспособной экономикой опережающего типа, развитой социальной инфраструктурой, высоким уровнем экологической и общественной безопасности
Еврейская автономная область	Экспортный потенциал агропромышленного (соя) и лесопромышленного комплексов	Создание конкурентоспособной системы, интегрированной с соседними регионами РФ и КНР, на основе модернизации институциональной и технико-экономической среды, в том числе за счёт расширения номенклатуры несырьевого экспорта

Источник: сост. авт. на основе [20; 21; 22; 23].

Стратегии в качестве базовых документов долгосрочного планирования определяли приоритеты, цели и задачи государственного управления, а также механизмы достижения поставленных целей. Задачей программ являлось определение мер, способных обеспечить устойчивое развитие приграничных территорий. В совокупности указанные документы во многом проясняют то, как понимается приграничное сотрудничество и какое место ему отводится в планах развития регионов российского Дальнего Востока.

Приграничное сотрудничество неизменно упоминается в каждом из этих документов. В то же время оно не рассматривается как особо важное направление (инструмент) социально-экономического развития. В большинстве случаев дело ограничивается констатацией важности «использования потенциала приграничного расположения для повышения интенсивности хозяйственной деятельности и улучшения социально-экономического положения приграничных территорий» (Приморский край); необходимости «создания условий для реализации экономического потенциала, в том числе за счёт развития приграничного сотрудничества» (Хабаровский край); полезности «развития приграничного торгово-экономического сотрудничества, в том числе с использованием преимуществ действующих преференциальных режимов (Амурская область); акцентированием «выгоды пространственного расположения, позволяющей кооперировать ресурсы с соседними регионами» (ЕАО). Весьма показательно, что в последнем случае «наличие границы с активно развивающимся Китаем» рассматривается и как преимущество, и как угроза, связанная с возможным «повышением зависимости от китайского капитала» [21].

Какая-либо дополнительная детализация касательно разработки и реализации мероприятий и проектов в контексте стимулирования приграничного сотрудничества, как правило, в документах отсутствует. Чаще всего в общем плане говорится о необходимости совершенствования трансграничной (пункты пропуска, дороги, мосты) и туристско-рекреационной инфраструктуры; развития портово-логистических комплексов, создания локальных центров экономического роста, связанных с производством продукции на основе местных сырьевых ресурсов. Перспективы развития все указанные документы непосредственно связывают с имеющимися у каждой территории естественными преимуществами: морские порты, экспортно ориентированные отрасли промышленности, рыбохозяйственный, лесопромышленный и туристско-рекреационный комплексы (Приморский край); горнодобывающий (угледобыча), лесопромышленный и туристический комплексы и обрабатывающие

производства (Хабаровский край); минерально-сырьевые, сельскохозяйственные и природные ресурсы, энергетический и транзитный потенциал (Амурская область); агропромышленный (производство и переработка сои) и лесопромышленный комплексы (ЕАО). Для большинства российских дальневосточных приграничных территорий ключевая возможность их развития связывается в первую очередь с получением доходов от роста трансграничного грузового и пассажирского трафика.

Стратегии развития большинства дальневосточных регионов, даже в контексте расширения приграничного сотрудничества, определяются без особого внимания к социально-экономическому состоянию и планам развития сопредельных территорий КНР. Чаще всего документы ограничиваются простой констатацией того, что «близость со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно со странами Северо-Восточной Азии, представляет собой возможность развития» (Хабаровский край); преимуществом является «выгодное географическое положение ввиду самого протяжённого участка госграницы с КНР и близостью к странам АТР» (Амурская область). Более развёрнутое сравнение приграничных регионов содержится в Стратегии развития Приморского края, но и в этом случае оно исчерпывается информацией о том, что отдельные части китайских провинций, граничащие с Приморьем, вполне сопоставимы по экономике, географии и численности населения. И только в Стратегии развития ЕАО говорится о развитии, предполагающем создание «региональной экономической системы, интегрированной с соседними регионами Российской Федерации и Китайской Народной Республикой, на основе модернизации институциональной и технико-экономической среды» [21]. Гораздо чаще соседние китайские провинции рассматриваются либо как места назначения экспорта, или же как конкуренты в борьбе за инвестиции. Показательной в этом смысле является Стратегия развития Приморского края, которая подчёркивает необходимость «обеспечить более благоприятные условия по сравнению с приграничными территориями соседних провинций Китая, специальными экономическими зонами Республики Кореи и Японии, чтобы привлечь инвестиции высокого качества» [22].

ДИСКУРС, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ РЕЗУЛЬТАТ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторически приграничное сотрудничество между РФ и КНР в современном его виде прошло долгий путь от утверждения первого Протокола об учреждении приграничной торговли

и организации экономического и технического сотрудничества между Забайкальским районом Читинской области и г. Маньчжоули автономного района Внутренняя Монголия в апреле 1988 г. до разработки масштабных программ сотрудничества между приграничными регионами российского Дальнего Востока и Северо-Востока КНР. Первоначальными результатами этого стала активизация приграничных взаимодействий в самых простых формах (торговля, бартерные обмены, побратимские связи), наиболее активными и инициативными участниками которых выступали региональные и местные власти приграничных территорий.

Затем Правительство РФ приступило к последовательному пересмотру подходов к организации сотрудничества на российско-китайской границе, стремясь усилить государственный контроль над трансграничными процессами и ограничить возможности для нелегальной и нерегистрируемой деятельности. В основу был положен курс на установление пределов международной компетенции региональных и местных властей, фактически сводивший их роль к подготовке документов, конкретизирующих и уточняющих содержание планов российско-китайского сотрудничества, которые принимались на межправительственном уровне [6]. Наивысшей точкой попыток реализации централизованного подхода к продвижению приграничного сотрудничества стали согласованные Москвой и Пекином «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР 2009—2018 гг.» и «Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке РФ 2018—2024 гг.». В данных программах, как и в конкретизирующих их отраслевых планах, высказывалась идея «сопряжения» развития регионов двух стран и создания необходимого для этого общего правового и институционального поля [9; 24]. Таким путём российское правительство рассчитывало перейти от примитивной и в целом уже исчерпавшей себя торговой модели приграничного и трансграничного сотрудничества с Китаем к более перспективному, основанному на взаимной производственной кооперации, взаимодействиям [13, с. 135—136]. Результаты, однако, не соответствовали ожиданиям. Это, как полагают многие эксперты, во многом объясняется растущей маргинализацией роли регионов, которые объективно выступают главными заинтересованными в развитии приграничного сотрудничества акторами. Подтверждается это и современным региональным законодательством, которое из инструмента

дифференциации и совершенствования общих федеральных норм всё больше вырождается в механизм их формальной репликации [13, с. 136—137].

Одним из важных обстоятельств, определяющих в конечном итоге текущее состояние российско-китайского приграничного сотрудничества, выступает доминирующая официальная трактовка его смысла, определяющая формы и степень готовности к их поддержке. В понимании российской стороны, к приграничному сотрудничеству может быть отнесена любая активность, осуществляющаяся на приграничных территориях или через них, варьируясь от локальных туристических обменов до межгосударственной торговли и масштабных экономических проектов. И поскольку общее российско-китайское сотрудничество в нынешнем его виде и формах, безусловно, оказывает некоторое позитивное влияние и на развитие приграничных территорий, то собственно приграничное сотрудничество как локальная хозяйственная активность, ориентированная главным образом на удовлетворение потребностей местных сообществ, не воспринимается в качестве сколько-нибудь существенного дополнения, способного значительно увеличить имеющиеся выгоды.

Такое понимание также отражает естественное для политических режимов по обе стороны российско-китайской границы стремление к централизации, оставляющее весьма ограниченное пространство для инициативных усилий акторов более низкого (регионального и локального) уровня. Это свидетельствует о том, что важность геополитического единства превалирует над потребностями непосредственной экономической кооперации и большей хозяйственной близости, которые не только не вызывают доверия, но и способны расширить пространство возможных противоречий, споров и конфликтов. В этой связи и РФ, и КНР отдают предпочтение самостоятельным стратегиям развития с трепетным вниманием к вопросам суверенитета, сохраняя свои границы в качестве барьера с ограниченной проницаемостью. Кроме того, данный подход находит дополнительные аргументы в меняющихся в последние годы представлениях об экономическом сотрудничестве и связанности, которые могут превратиться из общего блага в оружие или инструмент геополитического влияния, меняя общее отношение к регионализму и региональному сотрудничеству. Тем не менее всё это не означает отсутствия каких-либо перспектив для дальнейшего развития российско-китайского приграничного сотрудничества. Как было сказано ранее, твёрдое желание сотрудничать, развитие коалиций между акторами

и даже создание кооперативных институтов между приграничными городами и регионами могут происходить и там, где функциональные трансграничные взаимодействия пока довольно скромны или сталкиваются с некоторыми ограничениями.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. В Китае заявили о выходе отношений с Россией на самый высокий уровень. URL: <https://ria.ru/20231108/kitay-1908110862.html> (дата обращения: 10.01.2024).
2. Голунов С.В. Приграничное сотрудничество постсоветских де-факто государств // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 4. С. 124—142.
3. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 1. С. 117—138.
4. Итоги и планы по экономическому развитию Дальнего Востока до 2030 года озвучило Минвостокразвития России во Владивостоке. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/itogi_i_plany_po_ekonomicheskomu_razvitiyu_dalnego_vostoka_do_2030_goda_ozvuchilo_minvostokrazvitiya/ (дата обращения: 13.08.2025).
5. Кашин В.Б., Янькова А.Д. Приграничное сотрудничество между Россией и Китаем: глубинные препятствия развития // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 41—55.
6. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (вторая половина XIX — начало XXI в.). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 474 с.
7. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 2577-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74639793/#1000> (дата обращения: 10.02.2026).
8. Лавров заявил о беспрецедентном уровне развития отношений РФ и КНР. URL: <https://tass.ru/politika/22436427?ysclid=mef5vyuhvr77299250> (дата обращения: 17.08.2025).
9. Ларин В.Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 9—27.
10. Лузянин С.Г. Как работать с Китаем на нашем Дальнем Востоке? (В преддверии Восточного экономического форума — 2021) // Азия и Африка сегодня. 2021. № 6. С. 5—13.
11. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn1l6eGqD.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).
12. План мероприятий по реализации Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, утвержденной

- распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 октября 2015 г. № 2193-р (взамен ранее утверждённого плана № 4512п-П16 от 28 июня 2016 г.). Утверждён Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации — полномочным представителем Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе Ю. Трутневым 11 июля 2022 г. № 7900п-П47. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217541/ (дата обращения: 12.08.2025).
13. Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. 213 с.
 14. Программа развития приграничных территорий Амурской области до 2025 года. Утверждена постановлением Правительства Амурской области от 28 сентября 2016 г. № 420. URL: <https://docs.cntd.ru/document/441791679?ysclid=medwp821an573219425> (дата обращения: 13.08.2025).
 15. Программа развития приграничных территорий Еврейской автономной области до 2025 года. Утверждена постановлением Правительства Еврейской автономной области от 30 сентября 2016 г. № 292-пп. URL: <https://base.garant.ru/48302692/?ysclid=medwshrjkm994927251> (дата обращения: 13.08.2025).
 16. Распоряжение Правительства РФ от 28.10.2015 № 2193-р (ред. от 16.06.2022) «Об утверждении Концепции развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа». URL: https://bazanpra.ru/pravitelstvo-rf-rasporiazhenie-n2193-r-ot28102015-h2621960/kontseptsiaa/?view_type=doc_source# (дата обращения: 23.10.2024).
 17. Региональная программа Приморского края «Развитие приграничных территорий Приморского края на период до 2020 года». Утверждена постановлением Администрации Приморского края от 30 сентября 2016 г. № 455-па. URL: <https://madviz.ru/integrated-development-of-territories/2351?ysclid=medwf54mjt141677695> (дата обращения: 13.08.2025).
 18. Региональная программа Хабаровского края «Развитие приграничных территорий Хабаровского края на период до 2020 года». Утверждена Правительством Хабаровского края от 26 сентября 2016 г. № 746-рп. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2700201609290002?ysclid=medwljwg54709273002&index=4> (дата обращения: 13.08.2025).
 19. Российско-китайский диалог: модель 2023. Доклад. РСМД. 2023. № 87. Российский совет по международным делам. Институт Китая и современной Азии РАН. Институт международных исследований Фуданьского университета. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf?ysclid=lsmhddma3y923653787> (дата обращения: 16.01.2024).
 20. Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2035 года. Утверждена постановлением Правительства Амурской области от 24 апреля 2023 г. № 381. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406643139?ysclid=medwno9igt429518152> (дата обращения: 13.08.2025).
 21. Стратегия социально-экономического развития Еврейской автономной области на период до 2030 года. Утверждена Постановлением

- Правительства Еврейской автономной области от 15 ноября 2018 г. № 419-пп. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102385609&backlink=1&nd=185122938&rdk=> (дата обращения: 13.08.2025).
22. Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2030 г. Утверждена постановлением Администрации Приморского края от 28 декабря 2018 г. № 668-па. URL: <https://invest.primorsky.ru/documents/155/strategy2030.pdf> (дата обращения: 13.08.2025).
23. Стратегия социально-экономического развития Хабаровского края на период до 2030 года. Утверждена Постановлением Правительства Хабаровского края от 13 июня 2018 г. № 215-пр. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465353006?ysclid=medwjn9q4o211601479> (дата обращения: 13.08.2025).
24. Фэн Шаолэй, Цуй Хэн. Развитие Дальнего Востока и китайско-российские отношения: новое видение и новые подходы // Валдайские записки № 107 / Международный дискуссионный клуб «Валдай». М., 2019. 24 с.
25. Blatter J., Norris C. II Introduction to the Volume: Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America // *Journal of Borderlands Studies*. 2000. No. 15 (1). P. 14—53.
26. Chan Yuk Wah, Womack B. Not Merely a Border: Borderland Governance, Development and Transborder Relations in Asia // *Asian Anthropology*. 2016. Vol. 15. Iss. 2. P. 95—103.
27. European Outline Convention on Transfrontier Co-Operation between Territorial Communities or Authorities. European Treaty Series. Madrid: Council of Europe, 1980. URL: https://en.wikisource.org/wiki/European_outline_convention_on_transfrontier_cooperation_between_territorial_communities_or_authorities#Article_6 (дата обращения: 09.02.2026).
28. Golunov S., Assel B. Bridging Borders. Central Asian Cross-Border Cooperation in a Comparative Global Perspective. Cham: Springer, 2025. 119 p.
29. Hataley T., Leuprecht C. Determinants of Cross-Border Cooperation // *Journal of Borderlands Studies*. 2018. No. 33 (3). P. 317—328.
30. Lundquist K.-J., Tripp M. Distance, Proximity and Types of Cross-Border Innovation Systems: A Conceptual Analysis // *Regional Studies*. 2013. No. 47 (3). P. 450—460.
31. Rumford C. *Cosmopolitan Borders*. London: Palgrave Pivot, 2014. 105 p.
32. Sohn C. Modelling Cross-Border Integration: The Role of Borders as a Resource // *Geopolitics*. July 2014. Vol. 19. No. 3. P. 1—19.
33. Svensson S., Nordlund C. The Building Blocks of a Euroregion: Novel Metrics to Measure Cross-Border Integration // *Journal of European Integration*. 2015. No. 37 (3). P. 371—389.
34. Tamar A. Municipal Cooperation across Securitized Borders in the Post-Conflict Environment: The Gulf of Aqaba // *Territory, Politics, Governance*. 2016. No. 4 (3). P. 319—336.
35. van Geenhuizen M.S., Ratti R. *Gaining Advantage from Open Borders: An Active Space Approach to Regional Development*. Aldershot: Ashgate Pub Ltd., 2001. 414 p.
36. 索佳莉:《一带一路》战略在黑龙江省中俄边境物流领域所面临的机遇与挑战 = Со Цзяли. Возможности и вызовы, с которыми сталкивается стратегия «Пояс и путь» в области логистики на китайско-российской границе в провинции Хэйлунцзян // *中国经济报告*. 2016. № 12. С. 118—119.

REFERENCES

1. *V Kitaye zayavili o vykhode otnosheniy s Rossiyei na samyy vysokiy uroven'* [China Announced that Relations with Russia Have Reached the Highest Level]. Available at: <https://ria.ru/20231108/kitay-1908110862.html> (accessed 10.01.2024). (In Russ.)
2. Golunov S.V. Prigranichnoye sotrudnichestvo postsovetskikh de-fakto gosudarstv [Cross-Border Cooperation of Post-Soviet de Facto States]. *Sravnitel'naya politika*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 124—142. (In Russ.)
3. Zemtsov S.P., Baburin V.L. Otsenka potentsiala ekonomiko-geograficheskogo polozheniya regionov Rossii [Assessment of the Potential of the Economic and Geographical Position of Russian Regions]. *Ekonomika regiona*, 2016, vol. 12, iss. 1, pp. 117—138. (In Russ.)
4. *Itogi i plany po ekonomicheskomu razvitiyu Dal'nego Vostoka do 2030 goda ozvuchilo Minvostokrazvitiya Rossii vo Vladivostoke* [The Ministry for the Development of the Russian Far East and Arctic in Vladivostok Announced the Results and Plans for the Economic Development of the Far East until 2030]. Available at: https://minvr.gov.ru/press-center/news/itogi_i_plany_po_ekonomicheskomu_razvitiyu_dalnego_vostoka_do_2030_goda_ozvuchilo_minvostokrazvitiya/ (accessed 13.08.2025). (In Russ.)
5. Kashin V.B., Yan'kova A.D. Prigranichnoye sotrudnichestvo mezhdu Ros-siyey i Kitayem: glubinnyye prepyatstviya razvitiya [Cross-Border Cooperation between Russia and China: Deep Obstacles to Development]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2022, no. 4, pp. 41—55. (In Russ.)
6. Kireev A.A. *Dal'nevostochnaya granitsa Rossii: tendentsii formirovaniya i funktsionirovaniya (vtoraya polovina XIX — nachalo XXI v.)* [The Far Eastern Border of Russia: Trends in Formation and Functioning (the Second Half of the 19th Century — the Beginning of the 21st Century)]. Vladivostok, Izd-vo DVFU Publ., 2011, 474 p. (In Russ.)
7. *Kontseptsiya prigranichnogo sotrudnichestva v Rossiyskoy Federatsii. Utverzhdena rasporyazheniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 7 oktyabrya 2020 g. № 2577-r* [Concept of Cross-Border Cooperation in the Russian Federation. Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of October 7, 2020, No. 2577-r]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74639793/#1000> (accessed 10.02.2026). (In Russ.)
8. *Lavrov zayavil o bespretsedentnom urovne razvitiya otnosheniy RF i KNR* [Lavrov Announced an Unprecedented Level of Development of Relations between Russia and China]. Available at: <https://tass.ru/politika/22436427?ysclid=mef5vyuhvr77299250> (accessed 17.08.2025). (In Russ.)
9. Larin V.L. «Kitayskaya ekspansiya» v vostochnykh rayonakh Rossii v nachale XXI v. cherez prizmu komparativistskogo analiza [“Chinese Expansion” in the Eastern Regions of Russia at the Beginning of the 21st Century through a Comparative Analysis Perspective]. *Sravnitel'naya politika*, 2020, no. 2, pp. 9—27. (In Russ.)
10. Luzyanin S.G. *Kak rabotat' s Kitayem na nashem Dal'nem Vostoke? (V pred-dverii Vostochnogo ekonomicheskogo foruma — 2021)* [How to Work with China in Our Far East? (on the Eve of the Eastern Economic Forum — 2021)]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2021, no. 6, pp. 5—13. (In Russ.)
11. *Natsional'naya programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka na period do 2024 goda i na perspektivu do 2035 goda.*

- Utverzhdena rasporyazheniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 24 sentyabrya 2020 g. № 2464-r* [National Program for the Socio-Economic Development of the Far East until 2024 and in the Long Term until 2035. Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of September 24, 2020, No. 2464-r]. Available at: <http://static.government.ru/media/files/NAISPJ8QMRZUPd9LIMWJoeVhn116eGqD.pdf> (accessed 13.08.2025). (In Russ.)
12. *Plan meropriyatiy po realizatsii Kontseptsii razvitiya prigranichnykh territoriy sub'yektov Rossiyskoy Federatsii, vkhodyashchikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, utverzhdennoy rasporyazheniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28 oktyabrya 2015 g. № 2193-r (vzamen raneye utverzhdennoy plana № 4512p-P16 ot 28 iyunya 2016 g.). Utverzhden Zamestitelem Predsedatelya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii — polnomochnym predstavitelem Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v Dal'nevostochnom federal'nom okruge Yu. Trutnevym 11 iyulya 2022 g. № 7900p-P47* [Action Plan for the Implementation of the Concept for the Development of Border Territories of the Constituent Entities of the Russian Federation That Are Part of the Far Eastern Federal District, Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of October 28, 2015, No. 2193-r (Replacing the Earlier Plan, No. 4512p-P16 of June 28, 2016). Approved by Deputy Prime Minister of the Government of the Russian Federation — Presidential Plenipotentiary Envoy to the Far Eastern Federal District Yu. Trutnev on July 11, 2022, No. 7900p-P47]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217541/ (accessed 12.08.2025). (In Russ.)
 13. *Prigranichnoye sotrudnichestvo vdol' gosudarstvennoy granitsy Rossii. Chast' 1: Regiony Dal'nego Vostoka, Sibiri, Urala i Povolzh'ya* [Cross-Border Cooperation along the Russian State Border. Part 1: Regions of the Far East, Siberia, the Urals, and the Volga Region]. Kaliningrad, Izd-vo BFU im. I. Kanta Publ., 2021, 213 p. (In Russ.)
 14. *Programma razvitiya prigranichnykh territoriy Amurskoy oblasti do 2025 goda. Utverzhdena postanovleniyem Pravitel'stva Amurskoy oblasti ot 28 sentyabrya 2016 g. № 420* [Program for the Development of Border Territories of the Amur Region until 2025. Approved by the Decree of the Government of the Amur Region of September 28, 2016, No. 420]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/441791679?ysclid=medwp821an573219425> (accessed 13.08.2025). (In Russ.)
 15. *Programma razvitiya prigranichnykh territoriy Yevreyskoy avtonomnoy oblasti do 2025 goda. Utverzhdena postanovleniyem Pravitel'stva Yevreyskoy avtonomnoy oblasti ot 30 sentyabrya 2016 g. № 292-pp* [Program for the Development of Border Territories of the Jewish Autonomous Region until 2025. Approved by the Decree of the Government of the Jewish Autonomous Region of September 30, 2016, No. 292-pp]. Available at: <https://base.garant.ru/48302692/?ysclid=medwshrkjm994927251> (accessed 13.08.2025). (In Russ.)
 16. *Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 28.10.2015 № 2193-r (red. ot 16.06.2022) «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya prigranichnykh territoriy sub'yektov Rossiyskoy Federatsii, vkhodyashchikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga»* [Order of the Government of the Russian Federation of October 28, 2015, No. 2193-r (as Amended on June 16, 2022) “On Approval of the Concept for the Development of Border Territories of the Constituent

- Entities of the Russian Federation That Are Part of the Far Eastern Federal District”]. Available at: https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-rasporiazhenie-n2193-r-ot28102015-h2621960/kontseptsiaa/?view_type=doc_source# (accessed 23.10.2024). (In Russ.)
17. *Regional'naya programma Primorskogo kraia «Razvitiye prigranichnykh territoriy Primorskogo kraia na period do 2020 goda». Utverzhdena postanovleniyem Administratsii Primorskogo kraia ot 30 sentyabrya 2016 g. № 455-pa* [Regional Program of the Primorye Region “Development of Border Territories of the Primorye Region until 2020.” Approved by the Decree of the Administration of the Primorye Region of September 30, 2016, No. 455-pa]. Available at: <https://madviz.ru/integrated-development-of-territories/2351?ysclid=medw54mjt141677695> (accessed 13.08.2025). (In Russ.)
 18. *Regional'naya programma Khabarovskogo kraia «Razvitiye prigranichnykh territoriy Khabarovskogo kraia na period do 2020 goda». Utverzhdena Pravitel'stvom Khabarovskogo kraia ot 26 sentyabrya 2016 g. № 746-rp* [Regional Program of the Khabarovsk Region “Development of Border Territories of the Khabarovsk Region until 2020.” Approved by the Government of the Khabarovsk Region of September 26, 2016, No. 746-rp]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2700201609290002?ysclid=medwljwg54709273002&index=4> (accessed 13.08.2025). (In Russ.)
 19. *Rossiysko-kitayskiy dialog: model' 2023. Doklad. RSMD. 2023. № 87. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam. Institut Kitaya i sovremennoy Azii RAN. Institut mezhdunarodnykh issledovaniy Fudan'skogo universiteta* [Russian-Chinese Dialogue: Model 2023. Report. Russian International Affairs Council. (RIAC). 2023. No.87. Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. Institute of International Studies, Fudan University]. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-2023-Report87.pdf?ysclid=lsmhddma3y923653787> (accessed 16.01.2024). (In Russ.)
 20. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Amurskoy oblasti na period do 2035 goda. Utverzhdena postanovleniyem Pravitel'stva Amurskoy oblasti ot 24 aprelya 2023 g. № 381* [Strategy for the Socio-Economic Development of the Amur Region until 2035. Approved by the Decree of the Government of the Amur Region of April 24, 2023, No. 381]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/406643139?ysclid=medwno9igt429518152> (accessed 13.08.2025). (In Russ.)
 21. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Yevreyskoy avtonomnoy oblasti na period do 2030 goda. Utverzhdena Postanovleniyem Pravitel'stva Yevreyskoy avtonomnoy oblasti ot 15 noyabrya 2018 g. № 419-pp* [Strategy for the Socio-Economic Development of the Jewish Autonomous Region until 2030. Approved by the Decree of the Government of the Jewish Autonomous Region of November 15, 2018, No. 419-pp]. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102385609&backlink=1&nd=185122938&rdk=> (accessed 13.08.2025). (In Russ.)
 22. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Primorskogo kraia do 2030 g. Utverzhdena postanovleniyem Administratsii Primorskogo kraia ot 28 dekabrya 2018 g. № 668-pa* [Strategy for the Socio-Economic Development of the Primorye Region until 2030. Approved by the Decree of the Administration of the Primorye Region of December 28, 2018, No. 668-pa]. Available at: <http://kodeks.karelia.ru/api/show/550322279> (accessed 13.08.2025). (In Russ.)

23. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Khabarovskogo kraja na period do 2030 goda. Utverzhdena Postanovleniyem Pravitel'stva Khabarovskogo kraja ot 13 iyunya 2018 g. № 215-pr* [Strategy for the Socio-Economic Development of the Khabarovsk Region until 2030. Approved by the Decree of the Government of the Khabarovsk Region of June 13, 2018, No. 215-pr]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/465353006?ysclid=medwjn9q4o211601479> (accessed 13.08.2025). (In Russ.)
24. Fen Shaoley, Tsuy Khen. Razvitiye Dal'nego Vostoka i kitaysko-rossiyskiye otnosheniya: novoye videniye i novyye podkhody [Development of the Far East and Chinese-Russian Relations: A New Vision and New Approaches]. *Valdaiyskiye zapiski № 107* [Valdai Papers No. 107]. Valdai International Discussion Club. Moscow, 2019, 24 p. (In Russ.)
25. Blatter J., Norris C. II Introduction to the Volume: Cross-Border Cooperation in Europe: Historical Development, Institutionalization, and Contrasts with North America. *Journal of Borderlands Studies*, 2000, no. 15 (1), pp. 14—53. (In Eng.)
26. Chan Yuk Wah, Womack B. Not Merely a Border: Borderland Governance, Development and Transborder Relations in Asia. *Asian Anthropology*, 2016, vol. 15, iss. 2, pp. 95—103. (In Eng.)
27. *European Outline Convention on Transfrontier Co-Operation between Territorial Communities or Authorities. European Treaty Series*. Madrid, Council of Europe Publ., 1980. Available at: https://en.wikisource.org/wiki/European_outline_convention_on_transfrontier_cooperation_between_territorial_communities_or_authorities#Article_6 (accessed 09.02.2026). (In Eng.)
28. Golunov S., Assel B. *Bridging Borders. Central Asian Cross-Border Cooperation in a Comparative Global Perspective*. Cham, Springer Publ., 2025, 119 p. (In Eng.)
29. Hataley T., Leuprecht C. Determinants of Cross-Border Cooperation. *Journal of Borderlands Studies*, 2018, no. 33 (3), pp. 317—328. (In Eng.)
30. Lundquist K.-J., Trippi M. Distance, Proximity and Types of Cross-Border Innovation Systems: A Conceptual Analysis. *Regional Studies*, 2013, no. 47 (3), pp. 450—460. (In Eng.)
31. Rumford C. *Cosmopolitan Borders*. London, Palgrave Pivot Publ., 2014, 105 p. (In Eng.)
32. Sohn C. Modelling Cross-Border Integration: The Role of Borders as a Resource. *Geopolitics*, July 2014, vol. 19, no. 3, pp. 1—19. (In Eng.)
33. Svensson S., Nordlund C. The Building Blocks of a Euroregion: Novel Metrics to Measure Cross-Border Integration. *Journal of European Integration*, 2015, no. 37 (3), pp. 371—389. (In Eng.)
34. Tamar A. Municipal Cooperation across Securitized Borders in the Post-Conflict Environment: The Gulf of Aqaba. *Territory, Politics, Governance*, 2016, no. 4 (3), pp. 319—336. (In Eng.)
35. van Geenhuizen M.S., Ratti R. *Gaining Advantage from Open Borders: An Active Space Approach to Regional Development*. Aldershot, Ashgate Pub Ltd. Publ., 2001, 414 p. (In Eng.)
36. 索佳莉:《一带一路》战略在黑龙江省中俄边境物流领域所面临的机遇与挑战 [So Jiali. Opportunities and Challenges Faced by the Belt and Road Strategy in Logistics at the Sino-Russian Border in Heilongjiang Province]. *中国经济报告*, 2016, no. 12, pp. 118—119 (In Chin.)

Дата поступления в редакцию 16.02.2026